

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ"

№ 23 Суббота, 21 іюня (4 іюля) 1903 г. № 23

РУССКІЕ ИГРОКИ.

Изъ воспоминаній артиста императорск. театр. Константинова, составилъ

А. Заринъ.

(Продолженіе).

VIII.

Вскорѣ въ залъ вошелъ мужчина лѣтъ сорока, высокій ростомъ, нѣсколько сутуловатый, брюнетъ, коротко остриженный, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица, выражающимъ какое-то благодушное любопытство; борода его была гладко выбрита и жабо бѣлой рубашки подпирало щеки. Одѣтъ онъ былъ во все черное, но фракъ его, хотя и модный, сидѣлъ мѣшкомъ; на шеѣ былъ повязанъ бѣлый галстухъ, вродѣ широкаго шарфа, концы котораго небрежно падали на грудь бѣлой рубашки. Переступивъ порогъ ярко освѣщеннаго зала, онъ осмотрѣлся кругомъ, неуклюже-тяжелою поступью подошелъ къ игорному столу и ломаннымъ французскимъ языкомъ спросилъ:

— Могу-ли я видѣть хозяина?

— Можете, не угодно-ли вамъ пожаловать въ гостиную,—сказалъ Вихоркинъ, указывая на слѣдующую комнату,—генералъ тамъ.

Гость отправился по указанію. Въ гостиной въ это время сидѣли генералъ Рулевъ, какой-то флигель-адъютантъ, статскій чиновникъ со звѣздой на фракѣ, лейбъ-гусарскій офицеръ, француженка и англичанка. Всѣ обратили вниманіе на вошедшаго, взглянули на него, но никто изъ нихъ не поднялся съ мѣста, чтобы привѣтствовать новаго гостя. Американецъ, нисколько не сконфузившись, обвелъ глазами все общество и спросилъ, гдѣ хозяинъ дома.

— Къ вашимъ услугамъ, что вамъ угодно? —отозвался Рулевъ.

— Мнѣ хочется съ вами познакомиться,— продолжалъ американецъ.—Вамъ уже извѣстно мое имя, я вручилъ визитную карточку слугѣ.

— Да, да, я получилъ, не угодно-ли садиться,—небрежно уронилъ генералъ. Разговоръ не клеился. Всѣ съ любопытствомъ разсматривали оригинала, явившагося столь неожиданно.

— Давно вы въ Петербургѣ?—спросилъ хозяинъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Дня три.

— Какъ вамъ нравится нашъ городъ?

— Совсѣмъ не нравится.

— Это почему?

— Здѣсь все какъ-то мизерно, безпрестанно приходится наталкиваться на элементы варварства; видно, что русскіе--молодая нація.

Всѣ улыбнулись. Рулевъ продолжалъ:

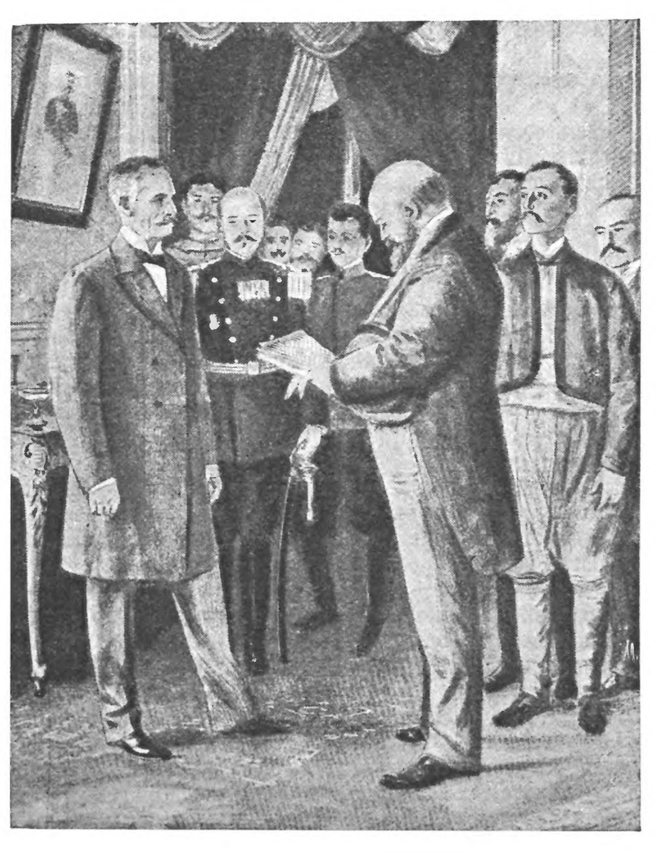
— Зачѣмъ же вы сюда пожаловали? Если вамъ здѣсь не нравится, ну, и сидѣли бы у себя дома.

— Нѣтъ, очень любопытно; я вездѣ хочу побывать, поѣду въ Сибирь, въ Индію.

— О, тамъ вы встрѣтите еще болѣе варварства,—отвѣчалъ, смѣясь, Рулевъ.

— Это ничего, по крайней мѣрѣ, все буду видѣть.

Флигель-адъютантъ всталъ и, видимо, не желая быть въ обществѣ этого американскаго медвѣдя, вышелъ изъ гостиной. За нимъ послѣдовали всѣ остальные. Между тѣмъ подали чай; американецъ взялъ стаканъ, налилъ сливокъ, разостлалъ на колѣнахъ салфеточку и высыпалъ на нее чуть не полкорзинки мелочей: прислуживавшій оффиціантъ широко улыбнулся. Расположившись около стола, американецъ выпилъ чай, съѣлъ всѣ крендельки

Король Петръ I. Велимировичъ.

Предсѣдатель депутаціи отъ скупщины Велимировичъ читаетъ королю актъ избранія на престолъ.

На улицахъ Бѣлграда утромъ послѣ катастрофы.
Съ рисунка П. М. Пажета, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Къ событіямъ въ Сербіи.

и очень тщательно вытеръ губы салфеточкой. Какъ видно было, одиночество его нисколько не стѣсняло.

Потомъ пришелъ въ залъ и сталъ съ любопытствомъ смотрѣть на играющихъ. Банкъ былъ въ самомъ разгарѣ. Вихоркинъ отчетливо металъ, давая углы, транспорты на семь кушей и безжалостно уничтожалъ всевозможныя мазки на пятнадцать и т. д. кушей. Кругомъ раздавались возгласы радости или отчаянія. Когда талія была кончена, американецъ обратился къ банкомету съ вопросомъ, можно-ли ему принять участіе въ игрѣ.

— Пожалуйста, сколько вамъ угодно,—отвѣчалъ Вихоркинъ.

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ дать мнѣ какую-нибудь карту,—сказалъ американецъ.

— Можете взять любую изъ этихъ колодъ, —замѣтилъ ему банкометъ.

Американецъ взялъ одну изъ колодъ, распечаталъ ее, не тасуя вынулъ верхнюю карту, и бросилъ ее на пачку банковыхъ билетовъ, лежавшихъ въ банкѣ.

— Сколько-же вамъ угодно ставить?—спросилъ банкометъ.

— А вотъ все, что тутъ окажется подъ картой.

— Не много-ли будетъ?

— Не думаю, вѣроятно, какіе-нибудь пустяки,—равнодушно отвѣчалъ американецъ.

Банкометъ на это ничего не сказалъ и только многозначительно улыбнулся; по принятому обычаю, онъ не потребовалъ денегъ впередъ и началъ метать. По третьему абцугу карта американца была бита.

— Потрудитесь посмотрѣть, какъ велика была ваша карта?—сказалъ Рулевъ.

Американецъ взялъ пачку банковыхъ билетовъ, бывшихъ подъ картой... Оказалась сумма въ 40 тысячъ руб.

— Я вамъ говорилъ пустяки,—замѣтилъ небрежно американецъ,—всего только 40 тысячъ, кажется, русскихъ рублей.

— Не будете-ли вы такъ любезны,—мягко сказалъ Вихоркинъ, — прислать эти пустяки въ банкъ?

— У меня съ собой совсѣмъ денегъ нѣтъ, я захватилъ только одну мелочь.

— Какъ же вы играли, не имѣя денегъ?

— Почему же вы у меня не спросили? Впрочемъ, это все равно, вы можете получить завтра, вотъ вамъ моя карточка; я вамъ на ней напишу, чтобы произвели уплату.

Съ этими словами оригиналъ вынулъ изъ бумажника визитную карточку и написалъ на ней, чтобы была произведена уплата сорока тысячъ подателю.

— Что это вы мнѣ даете?—спросилъ съ недоумѣніемъ Вихоркинъ.

— Карточку, по которой завтра вы получите деньги.

— Кто же мнѣ ихъ заплатитъ?

— Любая банкирская контора.

— Нѣтъ, ужь вы потрудитесь передать ее генералу; я не принимаю визитныхъ карточекъ вмѣсто денегъ,—отвѣчалъ холодно банкометъ.

— Хорошо,— сказалъ американецъ и отправился разыскивать хозяина.

Рулевъ въ это время сидѣлъ въ гостиной въ обществѣ дамъ и нѣсколькихъ вновь прибывшихъ гостей. Компанія была довольно многочисленна и чрезвычайно характерна: и военные, и статскіе, и даже дипломаты. Американецъ подошелъ къ Рулеву и, подавая ему визитную карточку, сказалъ:

— Я тамъ проигралъ 40 тысячъ рублей, теперь у меня нѣтъ съ собой столько денегъ, вотъ вамъ моя карточка, завтра утромъ можете получить по ней деньги.

— Извините,—отвѣчалъ холодно Рулевъ,—у меня уже есть одна ваша визитная карточка, зачѣмъ же вы мнѣ даете еще другую?

— Какъ зачѣмъ? Эта карточка съ надписью, по ней вы получите деньги.

— Нѣтъ, пожалуйста, избавьте, — возразилъ генералъ,—у меня вообще не принято играть ни на какія обязательства; угодно вамъ заплатить проигрышъ, вы потрудитесь его привезти сами или прислать съ кѣмъ-нибудь; если же не угодно, то смѣю увѣрить, я безпокоить васъ не стану. Таково правило у насъ, сѣверныхъ варваровъ,—добавилъ, зло улыбаясь, генералъ.

— При чемъ же тутъ варварство, когда дѣло идетъ о платежѣ денегъ. Рѣшительно не понимаю? Мнѣ некогда заниматься этими дѣлами, секретарь мой тоже заваленъ работой.

— Въ такомъ случаѣ не безпокойтесь и забудьте о вашемъ проигрышѣ.

— Какъ же забыть о денежномъ долгѣ, что вы говорите!—вскричалъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ американецъ. — Все равно, я вамъ оставлю мою карточку вотъ тутъ на столѣ, завтра, быть можетъ, вы найдете возможнымъ послать кого-нибудь за деньгами.

— Куда же прикажете послать?—спросилъ генералъ.

— Куда хотите, въ любую банкирскую контору.

Этотъ отвѣтъ показался настолько забавенъ, что вся компанія не выдержала и разразилась хохотомъ. Американецъ нисколько этимъ не сконфузился, положилъ карточку на столъ и ушелъ.

— Ну, знаете, это такое оригинальное созданіе, котораго мнѣ не доводилось видѣть нигдѣ въ Европѣ, — сказалъ господинъ со звѣздой на фракѣ.

— Да, если онъ мошенникъ, то во всякомъ случаѣ онъ мошенникъ забавный,—сказалъ хозяинъ дома.

— Ну, а если онъ такимъ не окажется,—замѣтилъ флигель-адъютантъ,—и вы завтра получите деньги, что вы тогда скажете?

— Полноте, пожалуйста,—возразилъ Рулевъ,—мыслимое-ли дѣло, чтобы извѣстный американскій милліонеръ являлся въ домъ, гдѣ идетъ большая игра, не имѣя гроша въ карманѣ. Это просто шарлатанъ, бьющій на оригинальность. Его не слѣдовало принимать,—добавилъ генералъ, строго взглянувъ на англичанку.

— А знаете, генералъ,—замѣтилъ одинъ изъ гостей,—я бы на вашемъ мѣстѣ хоть для курьеза отправился бы съ этою карточкою, напримѣръ, въ контору Юнкера. Если допустить, что американецъ мазурикъ, то, по всей вѣроятности, онъ порывался надуть которую-нибудь изъ банкирскихъ конторъ Петербурга; у Юнкера должны знать объ его дѣйствіяхъ. Повторяю, если онъ мошенникъ, то очень крупный. Во всякомъ случаѣ, все это чрезвычайно любопытно, не правда-ли, господа?—обратился онъ къ присутствующимъ.

— Конечно, конечно,—согласились всѣ.

— Хорошо, господа, будь по вашему, завтра я поѣду навести эту справку единственно для того, чтобы сообщить вамъ результатъ всей этой забавной исторіи, а васъ прошу пожаловать ко мнѣ вечеромъ,—сказалъ любезный хозяинъ.

IX.

Между тѣмъ американецъ одинъ расхаживалъ по громадному залу и очень внимательно разсматривалъ лѣпную работу потолка. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ изъ угла въ уголъ, онъ снова подошелъ къ игорному столу и, обратившись къ банкомету, спросилъ:

— Я бы хотѣлъ опять немножко поиграть, —можно?

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ холодно-вѣжливо банкометъ,—но я уже предупреждалъ васъ, что мы на визитныя карточки не играемъ.

— Жаль, я бы поставилъ еще нѣсколько картъ.

Американецъ отыскалъ свою шляпу, надѣлъ ее себѣ на голову тутъ же, при всемъ обществѣ, и, натягивая перчатки, медленно вышелъ, никому не поклонившись.

На другой день, утромъ, генералъ-лейтенантъ Рулевъ, напившись чаю, выкуривъ гаванскую сигару и пробѣжавъ газетныя новости, отдалъ приказаніе подавать карету. Генералу необходимо было сдѣлать нѣсколько визитовъ. Побывавъ у всѣхъ нужныхъ ему людей, около четвертаго часу онъ было уже возвращался домой, какъ вдругъ вспомнилъ о карточкѣ американца, лежавшей въ боковомъ карманѣ его сюртука. Справку въ банкирской конторѣ сдѣлать было необходимо: иначе, что же онъ скажетъ вечеромъ своимъ гостямъ? Въ виду такихъ соображеній генералъ отдалъ приказаніе кучеру остановиться около одной изъ конторъ Невскаго проспекта. Войдя въ контору, Рулевъ отыскалъ глазами управляющаго и робко, почти нехотя, вручая ему карточку, не потребовалъ уплаты по ней, а лишь просилъ навести справку о мистерѣ Вильямсѣ.

— Хорошо-съ, отвѣчалъ управляющій,—будьте такъ любезны нѣсколько времени повременить; прошу васъ, присядьте.

Медленно тянулось время для бѣднаго генерала, полчаса показались очень длинными. Наконецъ, одна изъ боковыхъ дверей отворилась, показалась фигура управляющаго, за нимъ шелъ артельщикъ, въ рукахъ котораго былъ какой-то свертокъ въ синей бумагѣ.

— Извините, генералъ, мы васъ немного задержали,—сказалъ управляющій,—необходимо было послать въ гостиницу Демутъ, гдѣ остановился господинъ W. Знаете,—продолжалъ управляющій,—кредитивъ былъ немножко странный, на карточкѣ написано карандашемъ 40 тысячъ, сумма не маленькая! Необходимо было личное удостовѣреніе; мы и посылали къ самому господину W., онъ призналъ свою подпись и приказалъ немедленно уплатить вамъ 40 тысячъ. Не угодно-ли получить, и, пожалуйста, потрудитесь расписаться.

Велико было изумленіе генералъ-лейтенанта Рулева.

— Да скажите, ради Христа, кто же этотъ американецъ?—спросилъ онъ управляющаго.

— Развѣ вы не знаете? Это знаменитый американскій крезъ W., владѣлецъ несмѣтныхъ богатствъ за океаномъ. Если бы онъ на своей карточкѣ написалъ, чтобы мы заплатили вамъ нѣсколько милліоновъ, и тогда, увѣряю васъ, генералъ, не встрѣтилось бы ни малѣйшихъ затрудненій.

— Какъ это странно, — протянулъ генералъ, поблѣднѣвъ, какъ смерть, при мысли, что вчера Вильямсъ дѣйствительно шутя могъ проиграть милліонъ рублей.—Долго онъ тутъ пробудетъ?

— Едва-ли,—отвѣчалъ управляющій,—завтра, кажется, какъ говорилъ его секретарь, онъ ѣдетъ въ Москву, потомъ въ Тифлисъ, а оттуда въ Индію.

X.

Неожиданное полученіе 40 тысячъ не только не обрадовало Рулева, но, напротивъ, опечалило. Мысль, что американскій крезъ могъ проиграть ему цѣлый милліонъ и что онъ, благодаря своему неумѣстному недовѣрію, помѣшалъ этому, приводила его въ отчаяніе. Цѣлое состояніе, да еще какое, шутка-ли— милліонъ! и вдругъ все это улетучилось, разсыпалось въ прахъ, и онъ же самъ былъ тому

причиною: принялъ знаменитаго американца не только нелюбезно, но даже грубо. Войдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ бросилъ съ какой-то злобой на диванъ свертокъ съ деньгами и быстро сталъ ходить по комнатѣ, обдумывая, какъ бы это дѣло поправить. Позвонивъ лакея, Рулевъ приказалъ дать переодѣться, облекся въ мундиръ, надѣлъ на себя всѣ регаліи и снова сбѣжалъ къ подъѣзду, приказавъ кучеру ѣхать въ отель Демутъ. Дорогой генералъ обдумывалъ планъ атаки на американца. Вскорѣ экипажъ остановился около подъѣзда отеля.

Рулевъ поднялся по лѣстницѣ въ бель-этажъ и, въ вручивъ корридорѣ лакею свою карточку, просилъ доложить о немъ господину W. Лакей взялъ карточку и побѣжалъ; вскорѣ онъ возвратился и сказалъ, что господинъ W. проситъ его пожаловать; съ этими словами онъ растворилъ двери комнатъ, занимаемыхъ американцемъ. Рулевъ вошелъ въ роскошно меблированный залъ съ большими окнами, выходящими на Конюшенную улицу; желтыя шелковыя занавѣски, перехваченныя массивными кистями, не давали проникать въ комнату лучамъ свѣта; самая атмосфера, гдѣ обиталъ американскій крезъ, казалась золотою. Рулеву пришлось не долго ждать: не болѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ послышались тяжелые шаги, и на порогѣ сосѣдней комнаты показалась сіяющая фигура мистера Вильямса.

— Ахъ, какъ я радъ васъ видѣть,—говорилъ онъ, пожимая обѣ руки гостю,—пойдемте сюда, тутъ будетъ удобнѣе,—присовокупилъ онъ, приглашая Рулева въ гостиную.

Это также была довольно большая комната, но съ синими занавѣсками и такою же мебелью. Какъ въ залѣ царствовалъ полнѣйшій порядокъ, будто тамъ никто и не жилъ, такъ въ гостиной, точно для контраста, было все въ страшномъ безпорядкѣ: на диванѣ и креслахъ лежали англійскіе, французскіе и нѣмецкіе журналы, на столѣ стоялъ раскрытымъ ящикъ сигаръ, тутъ же былъ и приборъ для кофе съ маленькой бутылочкой коньяку; кресла стояли въ безпорядкѣ кругомъ; американецъ просилъ гостя сѣсть на диванъ и еще разъ заявилъ ему свое удовольствіе. Генералъ, почтительно расшаркиваясь, говорилъ, что это для него пріятный долгъ, затѣмъ онъ считалъ своею обязанностью поблагодарить мистера Вильямса за аккуратную уплату карточнаго долга.

— О, это такіе пустяки, стоило-ли изъ-за нихъ безпокоиться,—вскричалъ благодушно американецъ.

— Я надѣюсь, мистеръ Вильямсъ,—сказалъ любезно генералъ,—что вы передъ отъѣздомъ хотя разъ удостоите меня своимъ посѣщеніемъ?

— О да, я у васъ непремѣнно буду.

— Не можете-ли вы доставить эту честь сегодня?

— Нѣтъ, сегодня у меня обѣдаетъ англійскій посланникъ и еще кое-кто изъ русскихъ; вечеромъ, быть можетъ, отправимся во французскій театръ.

— Ну и прекрасно, а послѣ театра ко мнѣ.

— Не обѣщаю, а завтра постараюсь быть; скажите,—опять перескочилъ американецъ,—этотъ господинъ, который раскладываетъ карты, вашъ родственникъ?

Генералъ сконфузился и пролепеталъ:

— Нѣтъ, не родственникъ.

— Значитъ, онъ вашъ компаньонъ?

— Да, компаньонъ.

— Я помню, разъ мнѣ пришла фантазія узнать, что это за штука рулетка, можетъ быть, слышали, которая существуетъ въ Гамбургѣ? Я проигралъ очень быстро тысячъ восемьсотъ франковъ; очень тогда меня это забавило. Вчера я былъ въ такомъ же расположеніи духа; спасибо господину, раскладывавшему карты, онъ не пожелалъ со мной играть, иначе повторилась бы исторія, бывшая въ Гамбургѣ.

— Ради Бога извините,—сказалъ генералъ,—но это было такое печальное недоразумѣніе.

Рулевъ уѣхалъ отъ американца съ самыми радужными надеждами; онъ разсчитывалъ на другой день вечеромъ поправить то, что было имъ испорчено, благодаря его недовѣрію. Пріѣхавъ домой, онъ быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ и, увидавъ въ пріемной Вихоркина, пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

XI.

— А ваше превосходительство, кажется, можно поздравить съ полученіемъ сорока тысячъ отъ американца?—сказалъ Вихоркинъ, когда лакей, раздѣвавшій генерала, вышелъ изъ комнаты.

— Да, я получилъ эти деньги,—отвѣчалъ Рулевъ, усаживаясь въ кресло и закуривая сигару,—но поздравлять ни меня, ни васъ не съ чѣмъ. Мы, батенька, съ вами такихъ ословъ разыграли: миллiончикъ проѣхалъ мимо нашего носа! Чудакъ-то дѣйствительно оказался американскимъ крезомъ.

— Ну, я тутъ ни при чемъ,—отвѣчалъ банкометъ,—я и то позволилъ ему поставить громадную карту; хорошо, что разгильдяй показалъ мнѣ туза, котораго онъ бросилъ на пачку банковыхъ билетовъ: я зналъ, что тузъ будетъ битъ и пpометалъ талію. Но далѣе идти я не могъ; помилуйте, онъ ставилъ такія сумасшедшія карты, мало-ли что могло случиться.

— Но такъ или иначе,—заключилъ генералъ,—а это дѣло необходимо поправить: завтра американецъ далъ слово быть у меня, смотрите въ оба.

— Я то маху не дамъ, лишь бы американецъ сталъ играть,—отвѣчалъ Вихоркинъ.

— О, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія,—сказалъ увѣренно Рулевъ,—иначе зачѣмъ же было бы ему пріѣзжать ко мнѣ; онъ хорошо знаетъ, что у меня по вечерамъ большая игра.

— Да, кстати,—сказалъ Рулевъ, подойдя къ письменному столу и открывъ ящикъ съ деньгами.—Вотъ возьмите ваши четыре тысячи.

Вихоркинъ положилъ деньги въ бумажникъ, откланялся и вышелъ. Генералъ былъ въ сильной ажитаціи, онъ рѣшительно не былъ въ состояніи ничѣмъ заняться и даже вечеромъ не вышелъ въ залъ, отговариваясь болѣзнью, причемъ просилъ Вихоркина извиниться отъ его имени передъ гостями, которыхъ онъ приглашалъ, и передать имъ исторію полученія денегъ по карточкѣ американца. Цѣлую ночь бѣдный генералъ не могъ заснуть: идея предстоящаго милліоннаго выигрыша не давала ему покоя; онъ то тушилъ свѣчку, то зажигалъ ее снова, принимаясь читать французскій романъ, то вскакивалъ съ кровати и ходилъ по комнатѣ, то снова ложился, вообще былъ не въ нормальномъ состояніи. Лишь передъ свѣтомъ онъ заснулъ, какъ убитый, и проспалъ до второго часа. День ему показался еще медленнѣе, чѣмъ ночь; онъ пробовалъ гулять по Невскому, заѣзжать къ знакомымъ, старался убить время, какъ только возможно, а время тянулось все медленнѣе и медленнѣе. Наконецъ, насталъ желанный часъ, начали освѣщать залъ, и часу въ десятомъ стали съѣзжаться нетерпѣливые понтеры. Вихоркинъ занялъ свое обычное мѣсто за круглымъ столомъ и началъ метать. Хорошо сложенная англичанка и тощая француженка также пріѣхали. Вскорѣ явились и всѣ тѣ, которыхъ интересовала исторія съ американцемъ. Флигель-адъютантъ, утверждавшій, что Вильямсъ не мазурикъ, весь сіялъ, будто онъ получилъ 40 тысячъ, а не Рулевъ; англичанка торжественно улыбалась; господинъ въ черномъ фракѣ со звѣздой принялъ болѣе глубокомысленное выраженіе лица, чѣмъ обыкновенно; лейбъ-гусаръ ухарски крутилъ усъ; все общество опять расположилось въ гостиной.

XII.

Въ половинѣ одиннадцатаго часа въ залѣ раздались тяжелые шаги, и оффиціантъ доложилъ о пріѣздѣ г. W. На этотъ разъ при входѣ американца въ гостиную все общество, точно по уговору, встало, каждый спѣшилъ его привѣтствовать. Мистеръ Вильямсъ сѣлъ на диванъ и весьма любезно повелъ бесѣду о всѣхъ диковинахъ Петербурга, которыя ему показали въ этотъ день. Собесѣдники не иронизировали, какъ это было въ первый вечеръ, и даже благодушно улыбались, когда американецъ былъ черезчуръ рѣзокъ въ своихъ заключеніяхъ по поводу цивилизаціи молодой русской націи. Между тѣмъ подали чай; дамы окружили мистера Вильямса, наперебой желая услужить ему. Англичанка ставила передъ нимъ стаканъ чая, француженка наливала сливки и подчивала его разными мелочами, лежавшими въ серебряной корзинкѣ; американецъ всѣ эти любезности принималъ точно должное, очень благодушно улыбался, пилъ чай и истреблялъ въ неимовѣрномъ количествѣ все, что лежало въ серебряной корзинкѣ.

— Значитъ, вы не скоро еще думаете попасть въ Америку?—спросилъ генералъ.

— Да, мнѣ предстоитъ довольно длинное путешествіе.

— Я думаю, вы уже соскучились по вашей родинѣ?—спросилъ господинъ со звѣздой на фракѣ.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣчалъ американецъ,—пожалуй, вы правы. До сихъ поръ мнѣ не удалось видѣть ничего особенно любопытнаго; я нахожу, что Европа старѣется, а Россія не идетъ впередъ.

— Повидимому, вы большой патріотъ и кромѣ Америки ничего не признаете,—сказалъ Рулевъ.

— Нѣтъ, я готовъ признать многія научныя открытія, которыя за послѣднее время сдѣлала Европа,—отвѣчалъ Вильямсъ,—но всѣ эти открытія имѣютъ какіе-то печальные результаты: они служатъ лишь для эксплуатаціи однимъ классомъ другого.

— Сколько мнѣ извѣстно,—замѣтилъ господинъ во фракѣ со звѣздой,—въ Америкѣ существуетъ такой же порядокъ вещей, какъ и въ Европѣ.

— О, да, конечно,—отвѣчалъ Вильямсъ,—самое лучшее доказательство того, что вы говорите,—это я. У меня черезчуръ много денегъ, а у другихъ ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Рулевъ, видя, что разговоръ принимаетъ вовсе не интересную тему, а главное—отвлекаетъ американца отъ игры, многозначительно посмотрѣлъ на англичанку. Хорошо сложенная барышня поняла нѣмую рѣчь генерала и предложила американцу сдѣлать нѣсколько туровъ по залу. Мистеръ Вильямсъ изъявилъ согласіе и отправился въ залъ, предложивъ руку любезной барышнѣ. Въ залѣ онъ завелъ разговоръ о лѣпной работѣ потолка.

— Посмотрите,—говорилъ Вильямсъ, указывая на потолокъ,—эти купидоны совсѣмъ не у мѣста, по угламъ ихъ почти не видать, а гирлянды—къ чему онѣ тутъ? А еще знаете, что я вамъ скажу,—добавилъ онъ, оживляясь,—окна черезчуръ малы; я увѣренъ, днемъ въ этомъ залѣ недостаточно свѣта.

Англичанка, хотя и слушала, улыбаясь, всѣ эти рѣчи о потолкѣ и окнахъ, но въ душѣ

проклинала практичность своего кавалера: ей вовсе не интересно было знать объ ошибкахъ скульптуры и архитектуры, она искоса посматривала на играющихъ, наконецъ, не утерпѣла и сказала:

— Подойдемте къ столу, посмотримъ на играющихъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ ея кавалеръ, и они подошли къ столу.

Нѣсколько партнеровъ очень горячо играли: одинъ изъ нихъ бралъ горстями золото, примазывалъ къ картѣ, другой клалъ банковые билеты; нѣкоторые записывали куши мѣломъ и гнули карты.

— Не хотите-ли принять участіе въ игрѣ?—шепнула англичанка своему кавалеру.

— О, нѣтъ, сегодня я не расположенъ, — хладнокровно отвѣчалъ американецъ.

— Попробуйте поставить одну карточку на мое счастье,—приставала англичанка.

— Нѣтъ, я всегда имѣю обыкновеніе глупость дѣлать одинъ разъ—рѣзко отвѣчалъ американецъ и, высвободивъ свою руку, отошелъ отъ англичанки.

Поужинавъ, онъ уѣхалъ, опять ни съ кѣмъ не простясь. Генералъ-лейтенантъ Рулевъ былъ въ полномъ отчаяніи. Извиняясь нездоровьемъ, онъ ушелъ въ кабинетъ, вечеръ кончился печально. Гости стали разъѣзжаться, и банкометъ, знаменитый мастеръ Вихоркинъ, ранѣе обыкновеннаго прекратилъ игру.

На другой день,—это было въ декабрѣ мѣсяцѣ,—явился генералъ ко мнѣ разстроенный, взволнованный, но потомъ развеселился и попросилъ меня сдѣлать ботвинью на обѣдъ. Поваръ у меня замѣчательный, рыба самая свѣжая; противъ моихъ оконъ садокъ. Ко мнѣ пришли еще многіе. Сѣли мы обѣдать. Голубчикъ мой, герой, такъ обрадовался ботвиньѣ, что чуть ли не три тарелки съѣлъ. Послѣ обѣда,—онъ совсѣмъ у меня безъ церемоніи,—говорить:

— Ну, Александръ Александровичъ, спасибо! Такъ я наѣлся, что пойду засну.

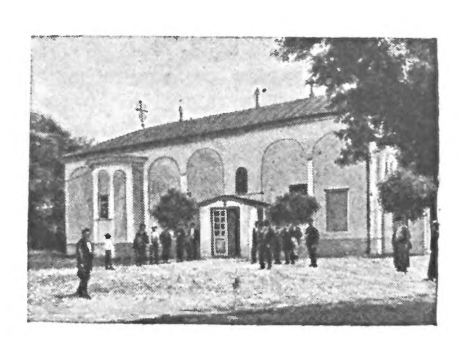
Церковь на Старомъ кладбищѣ въ Бѣлградѣ, гдѣ погребены король Александръ и королева Драга.

Внутренній видъ.

Пришелъ сюда, легъ, началъ читать газету; не прошло и четверти часа, какъ всѣ мы услышали крикъ:

— Ай, ай! умираю!

Въ одну минуту послали за докторомъ. Черезъ пять минутъ докторъ пріѣхалъ, взялъ у него руку, пощупалъ пульсъ и увидалъ, что онъ кончается. И героя не стало!

Наружный видъ.

— Да,—продолжалъ Ивашевъ,—вездѣ онъ былъ впереди, какъ будто искалъ смерти на войнѣ, а умеръ у меня! Царство ему небесное! А вотъ пойдемте я вамъ покажу другія комнаты,—и мы вошли въ громаднѣйшій залъ. Стѣны увѣшаны картинами и фотографическими карточками; у стѣнъ—маленькіе диванчики и мягкіе стулья. Посрединѣ — громадный длинный столъ, покрытый скатерью, на столѣ—множество альбомовъ, книгъ и иллюстрированныхъ журналовъ, все больше англійскихъ. Столъ обставленъ удобными для сидѣнья стульями.

XIII.

Не успѣлъ я еще все посмотрѣть, какъ стали являться гости. Хотѣлъ я проститься и уйти, потому что догадался, что здѣсь то и будетъ игра, какъ входитъ мой пріятель, отставной капитанъ Буйрклундъ.

— А, а! А. А.! Костинька у васъ? Да вы его не пускайте! Пусть онъ лучше здѣсь играетъ.

— Развѣ вы играете?—спросилъ меня Ивашевъ.

— Цѣлые дни играете, и, чортъ знаетъ, гдѣ!

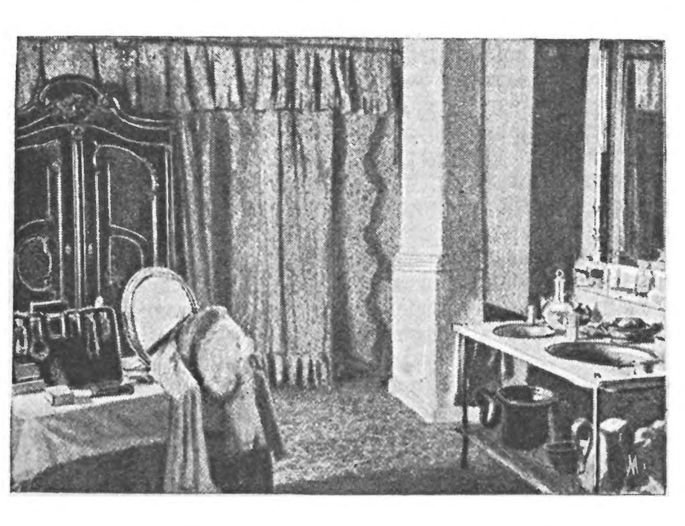
— Не чортъ знаетъ!—отвѣчалъ я,—а знаете вы, потому что всегда васъ тамъ встрѣчаю.

— Ха! ха! ха!—засмѣялся Ивашевъ, такъ шведъ и тамъ играетъ! Такъ не уходите, г-нъ Константиновъ, оставайтесь! Только, пожалуйста, если будете играть, то выигрывайте! Артистъ не долженъ проигрывать, а то вотъ Бурдинъ все ноетъ, да вотъ и онъ вошелъ—Ф. А. Бурдинъ.

Съ Ф. А. Бурдинымъ мы встрѣтились дружно и были пріятелями.

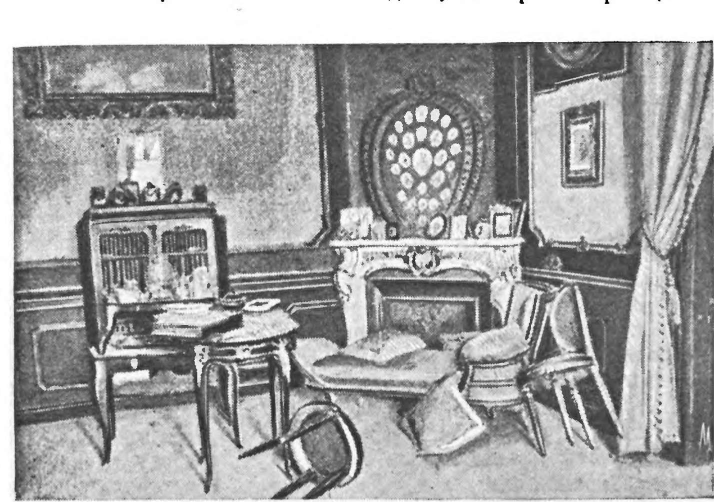
Входитъ Н. И. Дохтуровъ, добродушный, симпатичный на видъ, бывшій полковникъ гвардіи, нынѣ камергеръ. Всегда почти держалъ долю у Ивашева, металъ часто и все, что выигрывалъ въ меткѣ, сейчасъ же проигрывалъ, понтируя.

Входитъ симпатичный старикъ Стжебицкій, человѣкъ бѣдный, мастерски играющій въ

Гардеробная комната королевы Драги.

Влѣво на столѣ—боа изъ перьевъ, которое покойная королева второпяхъ набросила на шею, скрываясь въ боковую комнату. На боа замѣтно нѣсколько кровяныхъ пятенъ.

Будуаръ королевы Драги въ утро послѣ убійства.

Къ событіямъ въ Сербіи.

Съ фотографій, снятыхъ на-завтра послѣ убійства, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

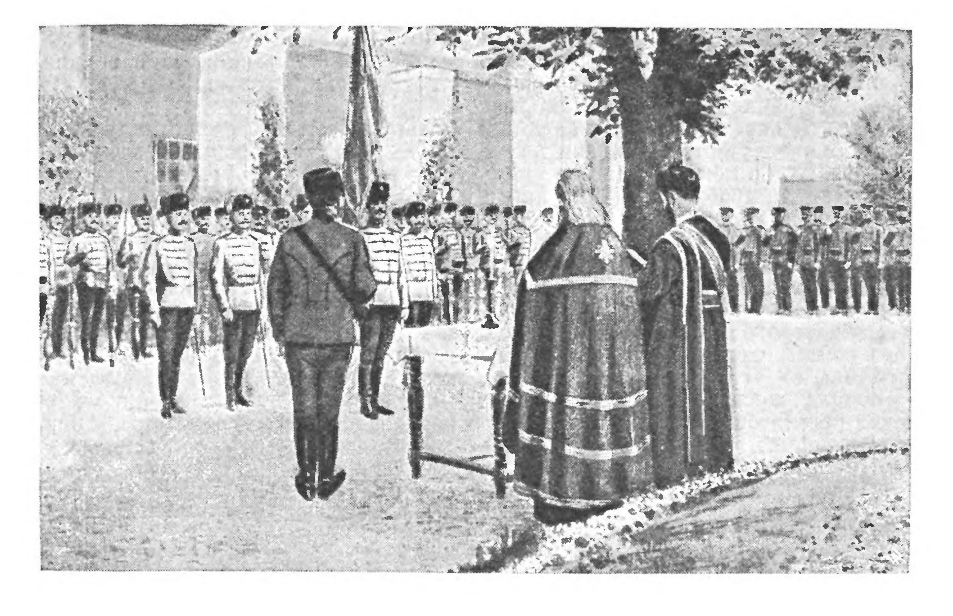
коммерческія игры, очень умный, съ большимъ тактомъ.

Всѣ съ хозяиномъ переходимъ въ кабинетъ. Тамъ идетъ шумный разговоръ, а въ это время въ залѣ идетъ уборка, скатерть и книги со стола снимаются,—все приготовляется для игры.

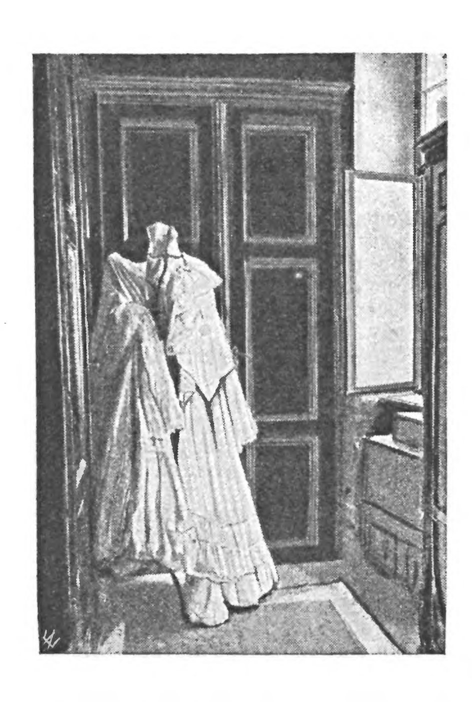
Съ одышкой, кряхтя, входитъ красавецъ, лѣтъ 50-ти, высокаго роста, на видъ Геркулесъ, бывшій кавалергардъ, симпатичный, остроумный, басовой голосъ, свѣтлѣйшій князь Грузинскій, всѣми именуемый царь Иванъ.

Жизнь его полна забавныхъ приключеній; о немъ много говорили, писали анекдотовъ. Онъ имѣлъ большое состояніе и когда его потерялъ, то подалъ просьбу Императору Николаю I му о выдачѣ ему 300 тысячъ рублей.

Не получая отвѣта на просьбу, онъ поѣхалъ въ Царское Село. Встрѣчаетъ тамъ Императора, поднимаетъ граціозно шляпу и кланяется. Императоръ его узналъ, подозвалъ къ себѣ и говоритъ:

Королевская гвардія присягаетъ на вѣрность новому королю.
Съ рисунка И. И. Дюмена, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Комната при спальни, гдѣ произошло убійство королевской четы.
Влѣво — вѣшалка съ шелковыми утренними платьями королевы.
Съ фотографіи, снятой на-завтра послѣ убійства.

— Князь, ты съ ума сошелъ: просить смѣешь 300 тысячъ! Да, если я буду раздавать такимъ, какъ ты, по 300 тысячъ, то я самъ долженъ буду милостыню просить.

— Ваше Императорское Величество!—почтительно, но гордо, во весь голосъ отвѣчалъ князь.—Пока царь Иванъ живъ, Вы милостыню просить не будете! Я всегда найду, чѣмъ Васъ накормить!

—Дуракъ!—засмѣявшись, отвѣтилъ Императоръ, ушелъ и 300 тысячъ велѣлъ выдать.

Вошелъ князь весело въ кабинетъ:

— А-а! сколько народу! (къ хозяину) Здорово Саша! Я понимаю, что ты еще не началъ игру—все вѣдь голь! (Общій смѣхъ). А, и Федя здѣсь! (къ Бурдину).

— Царь!—говоритъ Бурдинъ, подводя меня, рекомендую — мой товарищъ Константиновъ.

— Не поздравляю васъ!—протягивая мнѣ руку, говоритъ князь.—Если такъ будете играть, какъ Бурдинъ, то не будетъ штановъ, —вотъ ужъ глупо играетъ!

— Глупо играетъ,—передразниваетъ Бурдинъ.—Въ азартныя игрѣ всѣ глупо играютъ, а въ коммерческія я умно играю!

— Кто же это тебѣ сказалъ?—спрашиваетъ князь.

— Мнѣ это всѣ говорили, рѣшительно всѣ!

— Да это когда тебѣ говорили? Тогда, когда у тебя было 100 тысячъ? Говорили для того, чтобы ихъ выиграть, а какъ выиграли, вотъ теперь и говорятъ правду:—глупо Федя играетъ! (Общій гомерическій хохотъ).

Кабинетъ рядомъ съ передней, и оттуда видно всякаго входящаго. Дверь отворяется по звонку швейцара.

Звонокъ... Дверь отворяется... Слышимъ всѣ, что какъ будто подходитъ къ станціи паровозъ, пыхтя и выпуская тяжело послѣдній паръ, — это по лѣстницѣ идетъ знаменитый банковый дѣлецъ Н. Н. Холщевъ.

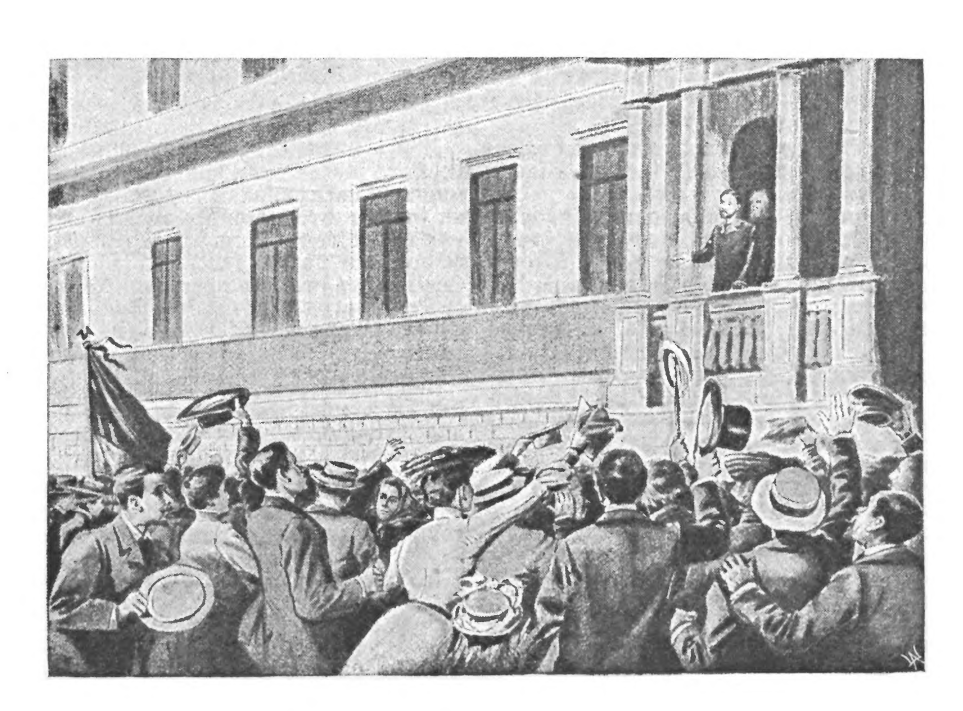
Толстѣйшій господинъ, съ птичьимъ хищнымъ лицомъ, всегда съ окуркомъ сигары, которую, тяжело дыша, сосетъ, чѣмъ напоминаетъ ястреба, схватившаго кусокъ мяса на лету и не успѣвшаго проглотить. Идетъ прямо въ игорный залъ и садится на первое мѣсто. Изъ кабинета хозяинъ и всѣ переходятъ въ залъ. *(Продолженіе слѣдуетъ).*

Романъ Драги Машиной 400 лѣтъ тому назадъ.

Біанка Капелло, великая герцогиня Тосканская.

Жизнь гораздо фантастичнѣе романовъ и фантазій поэтовъ, и кровавый романъ, героиней котораго была сербка Драга Машина, напоминаетъ намъ другой романъ всемірной исторіи, подъ заглавіемъ „Біанка Капелло". Мѣсто дѣйствія—Флоренція временъ Медичи, конца XVI столѣтія.

„Красивѣйшая женщина вѣка",—такъ называетъ легенда бѣлокурую венеціанку, съ мраморно-бѣлой кожей, мягкими кошачьими движеніями. Оставшіеся портреты подтверждаютъ это.

Министръ юстиціи Живковичъ объявляетъ съ балкона зданія скупщины объ избраніи Петра Карагеоргіевича королемъ.
Съ рисунка М. Пительбаха, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Въ 1563 году у патриція Бартоломео Капелло родилась дочь. Дѣвочка, потерявшая рано мать, жила страшно замкнуто. На шестнадцатомъ году Біанка познакомилась съ молодымъ флорентинцемъ, выдававшимъ себя за члена могущественнаго банкирскаго дома Сальяти, въ дѣйствительности же называвшимся Пьетро Бонавентури и служившимъ приказчикомъ у Сальяти. Каждую ночь юная красавица пробиралась въ Рлизко, гдѣ находилось жилище ея возлюбленнаго. Когда послѣдствія этой связи грозили открыться, она убѣжала изъ родительскаго дома, захвативъ съ собою драгоцѣнности, и повѣнчалась со своимъ другомъ, котораго принимала за Сальяти. Вскорѣ обманъ открылся. Венеціанская республика, въ угоду старому Капелло, приговорила соблазнителя къ смерти; высокая премія была объявлена за поимку бѣглецовъ, перебѣгавшихъ изъ одного мѣста въ другое, пока, наконецъ, во Флоренціи, у проживавшихъ въ страшной бѣдности родителей Пьетро, Біанка не произвела на свѣтъ дочь.

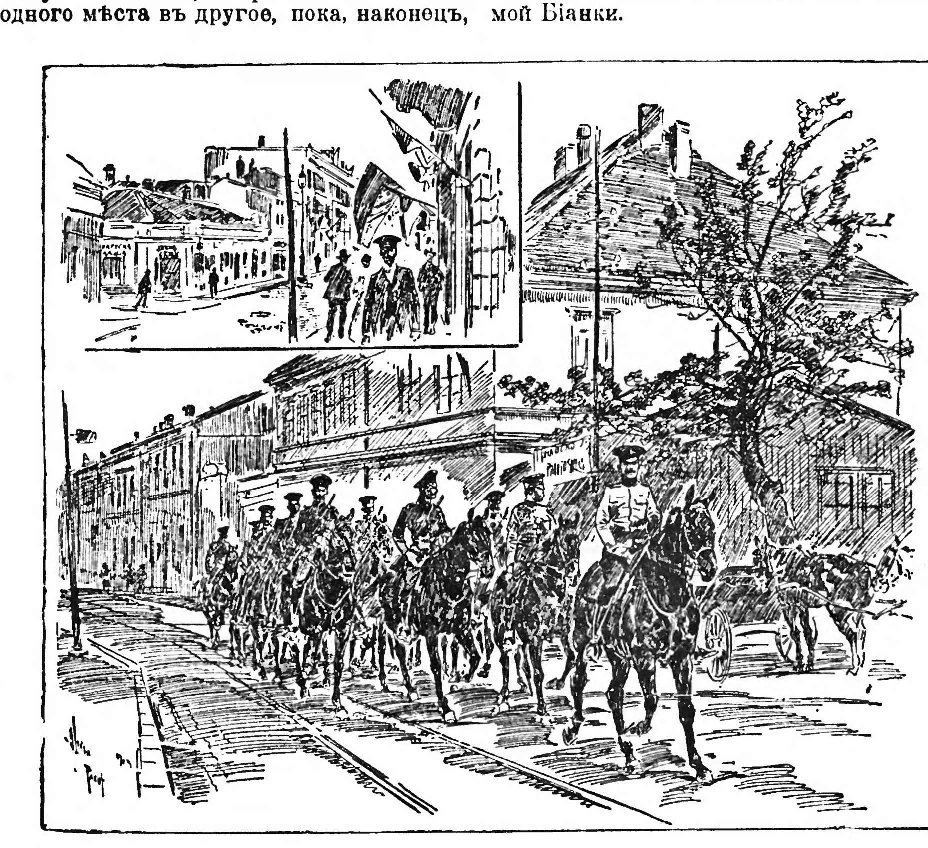
Знатная венеціанка исполняла черную работу и жила страшно уединенно, такъ какъ ей все время грозили преслѣдованіями изъ Венеціи. Донъ Франческо Медичи, старшій сынъ Казимо, который удалился въ свое помѣстье, вмѣстѣ со своей возлюбленной, впослѣдствіи госпожей Камиллой Мартели, увидѣлъ какъ-то, проѣзжая мимо ея дома, Біанку Капелло у окна. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ забыть прекрасное видѣнье; услужливые придворные устраиваютъ свиданіе. Біанка становится любовницей Франческо, который съ перваго момента страстно ее полюбилъ и остался вѣренъ ей до конца жизни. Онъ подарилъ своей дамѣ сердца роскошный дворецъ, во второмъ этажѣ котораго жила Біанка, а Пьетро Бонавентури, которому было хорошо заплачено деньгами и почетной должностью за сговорчивость, жилъ въ нижнемъ этажѣ. Послѣ этого Медичи, ради политическихъ и государственныхъ интересовъ, ведетъ къ алтарю дочь австрійскаго императора, Іоганну. Во время свадебныхъ торжествъ Біанка Капелло вездѣ занимаетъ первое мѣсто, между тѣмъ какъ на угловатую, некрасивую, набожную и меланхоличную Іоганну никто не обращаетъ вниманія. И это пренебреженіе мало-помалу разбиваетъ принцессѣ сердце, потому что она питаетъ сильную страсть къ своему супругу.

Старый Казимо Медичи, между тѣмъ, умираетъ. Франческо получаетъ титулъ великаго герцога. Супруга его подарила ему нѣсколькихъ дочерей, желаніе его имѣть наслѣдника престола не исполняется. Біанка Капелло, въ оковахъ которой онъ все еще находится и которая считается вліятельнѣйшей женщиной въ Тосканѣ, желаетъ приковать его къ себѣ еще крѣпче: и такъ какъ природа ей отказала въ ребенкѣ, она играетъ передъ герцогомъ комедію, которой тотъ твердо вѣритъ. Она даритъ его новорожденнымъ ребенкомъ крестьянской женщины, и онъ признаетъ его своимъ сыномъ отъ обожаемой Біанки.

„Донъ Антоніо", подложный ребенокъ, воспитывается какъ принцъ и считается многими наслѣдникомъ престола. Но тайна открывается, всѣ это знаютъ, исключая великаго герцога. Тогда Біанка рѣшается на безумно-смѣлый поступокъ. Она видитъ, что все пропало, и такъ какъ она по натурѣ игрокъ, то ставитъ все на карту, играетъ va banque и выигрываетъ.

Она признается, что совершила обманъ изъ страстной любви къ Франческо, желая исполнить его сердечное желаніе. Франческо тронутъ и прощаетъ.

Но сирена торжествуетъ слишкомъ рано: законная супруга даритъ великому герцогу, наконецъ, сына. Счастливый отецъ забылъ фаворитку, незаконнаго сына, всю прежнюю жизнь. Онъ возвращается къ супругѣ, къ своимъ дѣтямъ. Біанка кажется благоразумной, повидимому, раскаивается, возвращается къ себѣ и ждетъ. Она ждетъ недолго, меньше года. Франческо возвращается къ ней обратно, снѣдаемый страстью къ своей волшебницѣ. Въ 1578 году Іоганна Австрійская умираетъ отъ преждевременныхъ, отъ горя и волненія, родовъ.

Патрули на улицахъ въ Бѣлградѣ. — Украшеніе домовъ по приказанію временнаго правительства.

Фаворитка хочетъ быть великой герцогиней. Медичи свободенъ—она тоже.

Ея мужъ, Пьетро Бонавентури, въ первый же годъ ея связи съ великимъ герцогомъ былъ убитъ ударомъ кинжала при одномъ любовномъ приключеніи; страшное отчаяніе, въ которое тогда впала Біанка, ясно показываетъ, что, несмотря на его низкій, подленькій характеръ, она его искренно любила, какъ человѣка, впервые пробудившаго ея чувство.

Франческо Медичи беретъ Біанку во дворецъ Питти и назначаетъ ее воспитательницей своей младшей дочери. Два мѣсяца спустя послѣ смерти своей жены, Франческо женится на Капелло.

Братъ его, кардиналъ Фернандо, противъ воли миритзя съ этимъ, и другіе члены семьи тоже. Теперь это уже бракъ не съ лѣвой руки, звѣзда Біанки взошла. Та же самая Венеція, которая еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отказалась снять долголѣтнее проклятіе, висѣвшее надъ головой бѣжавшей дочери патриція, эта самая благоразумная Венеція быстро мѣняетъ тактику и принимаетъ посольство, которое, по порученію великаго герцога, проситъ для Біанки титула „Дочь республики и святого Марка", со словами: „этотъ титулъ подобаетъ только великой герцогинѣ". И теперь, когда Біанка сдѣлалась великой герцогиней, флорентинское посольство чествуетъ и снаряжаетъ со своей стороны пышное посольство, дабы принести вѣрноподданническія чувства во Флоренціи великой герцогинѣ Біанкѣ Капелло, такъ что Франческо остается только молчать, и пышныя празднества совсѣмъ не даютъ ему задумываться. Итакъ, Біанка Капелло—великая герцогиня тосканская.

Старикъ Капелло и братъ пріѣзжаютъ во Флоренцію, чтобы со слезами обнять „добрую дочь" и „милую сестру". Братъ остается, старается вездѣ занять первое мѣсто и пользуется страшной нелюбовью, совершенно какъ Никодимъ въ Бѣлградѣ.

Четырнадцать лѣтъ была Біанка возлюбленной великаго герцога и почти десять лѣтъ раздѣляла съ нимъ тронъ. Она принадлежала къ тѣмъ властолюбивымъ личностямъ, которыя не падаютъ, потому что обладаютъ мужествомъ и вѣрой въ свое собственное счастье. Для достиженія своихъ цѣлей онѣ не брезгуютъ никакимъ средствомъ. Сама страстная, тщеславная, властолюбивая, любящая роскошь, она знала людей и умѣла дѣйствовать на ихъ слабости. Она все умѣла предвидѣть и разсчитать. Она жертвовала малымъ, чтобы получить большее. Она жила не только настоящимъ, она смотрѣла дальше, чего не хватало женщинѣ на сербскомъ престолѣ.

Съ папой, правителями и послами Біанка находилась въ оживленной перепискѣ, своимъ удивительнымъ тактомъ она заставляла великихъ міра сего исполнять всѣ ея желанія. Своего деверя, кардинала Медичи, бывшаго врага, она обратила если не въ друга, то въ вѣжливаго противника. И неудивительна вѣра народа въ ея волшебные чары, когда вспоминается необъяснимая искренняя склонность великаго герцога къ крестьянскому мальчику „дону Антоніо".

Настоящій наслѣдникъ престола умеръ въ юныхъ годахъ. Вторая попытка великой герцогини подкинуть ребенка не удалась. Она сильно пополнѣла и даже показались признаки водянки. Это обстоятельство должно было облегчить обманъ, но супругъ на этотъ разъ былъ недовѣрчивъ и строго за ней слѣдилъ.

Великогерцогская чета умерла внезапно въ загородномъ домѣ. Франческо, организмъ котораго уже давно былъ подорванъ, умеръ отъ лихорадки; его супруга, ухаживавшая за нимъ, заразилась и черезъ нѣсколько часовъ послѣдовала за нимъ. Ей не было и соро-

ка лѣтъ. Счастье ей благопріятствовало даже и здѣсь: если бы она пережила супруга,—ей ничего не оставалось кромѣ монастыря, если бы народъ, любовь котораго она никогда не могла завоевать, считавшій ее отравительницей и колдуньей, не расправился съ нею посвоему.

Можетъ быть, Драга Машина, когда она была еще дѣвочкой или когда служила у королевы Наталіи, прочла исторію красавицы венеціанки, задумалась надъ этой книгой и вздохнула, а потомъ и забыла, пока вдругъ образъ Біанки не всплылъ передъ нею, какъ образецъ, достойный подражанія.

Женщины въ жизни Обреновичей.

Немаловажную роль въ жизни послѣднихъ Обреновичей сыграли женщины. Ихъ было три: Марія Обреновичъ, мать Милана, экс-королева Наталія, его жена, и Драга—жена безвременно погибшаго короля Александра.

Начнемъ съ Маріи Обреновичъ. Она происходила изъ стариннаго дворянскаго рода въ Румыніи, Катарги. Красавица собой, она обратила на себя вниманіе князя Ефрема Обреновича, брата короля Михаила III сербскаго, и вышла за него замужъ. Супружеское счастье, увы, продолжалось недолго. Появился молдаванскій полковникъ Куза, провозглашенный, послѣ сліянія Валахіи и Молдавіи въ 1859 г., королемъ румынскимъ, и покорилъ сердце Маріи.

Куза поселился въ Бухарестѣ, столицѣ княжества Румыніи, туда же перебралась со своимъ сыномъ Миланомъ и Марія Обреновичъ. И вотъ начинается сплошной безумный праздникъ. Пиры смѣняются пирами. Вино льется рѣкой. Царитъ какой-то пьяный угаръ. На вакханаліи, устраиваемыя въ королевскомъ дворцѣ, со всѣхъ концовъ сгоняются жандармами дѣвушки. Злой геній страны,—такъ звалъ народъ Марію,—требуетъ все новыхъ и новыхъ развлеченій. Казна иссякла, народъ обѣднѣлъ. Тогда Марія входитъ въ тайное соглашеніе съ начальникомъ полиціи въ Бухарестѣ, онъ закрываетъ свое недреманное око, и... веселіе продолжается дальше, но уже имѣя своимъ источникомъ кражи и грабежи. А что это было такъ, о томъ свидѣтельствуютъ найденныя послѣ сверженія съ престола въ 1866 г. Кузы у начальника почтъ и телеграфовъ и у начальника бухарестской полиціи письма Маріи и между ними одно, адресованное начальнику полиціи: „Les diamants sont chez moi, mais prenez soin, que la police ne cherche trop...“ (Брилліанты у меня, но позаботьтесь, чтобы полиція не очень искала).

Въ такой обстановкѣ росъ Миланъ.

Но часъ возмездія насталъ. 23-го февраля 1866 г., въ 4 часа ночи, Куза былъ свергнутъ съ престола. Войско и народъ окружили дворецъ, 40 вооруженныхъ человѣкъ, во главѣ съ полковниками Крецулеско, Лекка и Гараламби, ворвались во дворецъ и заставили короля подписать отреченіе отъ престола. Марія же съ сыномъ бѣжала и укрылась отъ народной ярости въ Землинѣ.

Не видавшій родительскихъ ласкъ, а лишь однѣ безумныя оргіи, 12-лѣтній Миланъ, по настоянію его дяди Михаила III, былъ отданъ въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ. Но вотъ палъ отъ рукъ убійцъ Михаилъ III, и Миланъ, въ качествѣ его прямого и законнаго наслѣдника, садится на сербскій престолъ.

21 года Миланъ женится на Наталіи Кешко. Бракъ, заключенный по любви, со временемъ превращается для обѣихъ сторонъ въ адъ—ревнивая королева Наталія не можетъ простить Милану его прежнихъ любовныхъ похожденій, съ ея стороны вѣчно сыплются попреки. Получается, однако, обратное дѣйствіе: Миланъ бѣжитъ домашняго очага и принимается за старое.

Наталія рожаетъ сына — Александра. Это сблизило супруговъ, но не надолго. Вслѣдствіе преждевременныхъ родовъ королевѣ была произведена операція, и она должна была перемѣнить роль супруги на роль друга.

Наталія не хочетъ мириться со своимъ положеніемъ и опять возникаютъ раздоры, доходящіе иногда чуть-ли не до кулачной расправы.

Подростаетъ Александръ. Онъ все видитъ и слышитъ, и имъ частенько пользуются для своихъ цѣлей другъ противъ друга Миланъ и Наталія. Не дремлютъ въ это время и регенты, и министры. Они потихоньку, исподволь вливаютъ ядъ разврата въ его организмъ, чтобы сдѣлать его и духовно, и тѣлесно неспособнымъ управлять страной и захватить власть въ свои руки. Не видитъ онъ только ласкъ и любви, какъ отецъ его, въ бытность ребенкомъ.

На его жизненномъ пути встрѣчается Драга Машина. Она фрейлина при дворѣ королевы Наталіи. Она замужемъ и много старше Александра. Но любовь математикой не занимается, любовь слѣпа, и Александръ женится на Драгѣ. Стоитъ ли вспоминать остальное? Все-таки много въ памяти.

Князь Петръ и Зорка.

Сербскія газеты разсказываютъ романтическую исторію о томъ, какъ женился князь Петръ на Зоркѣ, старшей дочери князя Николая черногорскаго. Случилось это во времена черногорской кампаніи. Одинъ турецкій отрядъ захватилъ въ плѣнъ княжескихъ дѣтей, слишкомъ близко подошедшихъ къ нему. Надежды поймать далеко опередившій турецкій отрядъ было мало. Всѣ пришли въ отчаяніе; женщины плакали и стонали,—вдругъ изъ лагеря замѣтили огромный столбъ пыли. Это ѣхалъ князь Петръ, который узналъ во-время о похищеніи дѣтей и отнялъ добычу у врага. Онъ успѣлъ нагнать разбойниковъ, напасть на нихъ, разсѣять, обратить въ бѣгство и привелъ дѣтей цѣлыми и невредимыми къ отцу.

— Чѣмъ я могу вознаградить тебя за это?—воскликнулъ князь Николай. Но прежде, чѣмъ князь успѣлъ произнести слово, княжна Зорка бросилась отцу на шею и вскричала:

— Меня ты ему отдашь, меня!

Спаситель завоевалъ ея пылкое сердце. Тогда ей было еще 14 лѣтъ, но на Востокѣ дѣвушки развиваются быстро. И черезъ нѣсколько лѣтъ одна изъ прекрасныхъ дочерей черногорскаго князя Зорка сдѣлалась женою князя Петра Карагеоргіевича. Она умерла въ 1890 году.

Убійство сербской королевской четы и кинематографъ.

Въ одной спеціально артистической парижской газеткѣ напечатано слѣдующее объявленіе французскаго кинематографическаго общества:

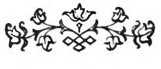
„Огромный успѣхъ ☚ ☛ Огромный успѣхъ!

„Артистично.—Послѣдняя событія.—Сенсаціонно!

„Убійство сербской королевской семьи въ Сербіи.

„Эта сцена представлена изумительно хорошо. Лучше ничего себѣ нельзя вообразить. Рекомендуемъ почтеннѣйшей публикѣ убѣдиться собственными глазами“.

Говорить о безобразіи этого объявленія много не приходится, можно указать только на его глупость. Какой же глупецъ повѣритъ, что въ ужасную ночь бѣлградскихъ событій былъ принесенъ въ конакъ кинематографъ? Разумѣется, эти снимки сдѣланы съ костюмированныхъ актеровъ, разыгравшихъ сцену убійства согласно газетнымъ описаніямъ. Но все же, каковъ американизмъ?

Князь монакскій и сельскій врачъ.

„Figaro“ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ, случившійся недавно съ княземъ монакскимъ. Недавно князь недалеко отъ Парижа упалъ съ автомобиля и слегка повредилъ себѣ ногу. Его снесли къ мѣстному деревенскому врачу, который быстро сдѣлалъ ему перевязку и затѣмъ отпустилъ съ миромъ, не узнавъ, кто былъ его паціентъ. На прощанье князь попросилъ у врача трость, на которую онъ могъ-бы опираться при ходьбѣ. Но докторъ къ этой просьбѣ отнесся довольно сурово, замѣтивъ, что онъ не имѣетъ обыкновенія дарить паціентамъ тростей.—Попросите у моего слуги,—сказалъ онъ. Князь взялъ старую, исцарапанную палку слуги и доплелся до ближайшей станціи. Нѣсколько времени спустя, врачъ получилъ слѣдующее посланіе: „Уважаемый господинъ докторъ! Позволяю себѣ извѣстить васъ о здоровьи пострадавшаго автомобилиста, съ которымъ вы обошлись нѣсколько сурово. Тѣмъ не менѣе, онъ на васъ не сердится, а такъ какъ палка вашего слуги оказала ему хорошую услугу, а у васъ, вѣроятно, нѣтъ никакой, то онъ позволяетъ себѣ, въ благодарность за вашу врачебную помощь, послать вамъ трость. Альбертъ, князь монакскій“.

Вмѣстѣ съ письмомъ на имя врача пришла посылка, въ которой заключалась испанская камышевая трость съ драгоцѣннымъ золотымъ набалдашникомъ и иниціалами врача.

Шестнадцатилѣтній проповѣдникъ.

Въ Шотландіи проявился новый чрезвычайно краснорѣчивый проповѣдникъ въ лицѣ мистера Колина Ливингстона. Шестнадцатилѣтній юноша является передъ своими слушателями въ панталонахъ до колѣнъ и въ полотняномъ воротничкѣ и имѣетъ видъ 13—14-лѣтняго ребенка. Онъ говоритъ передъ огромной толпой вдохновленныхъ экстазомъ старыхъ и молодыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, часто цѣлыми часами, не выказывая при этомъ никакихъ признаковъ утомленія; рѣчь его льется плавно и свободно и сильна своей простотой. Мальчикъ воспитывался въ народной школѣ въ Мовервиллѣ, маленькомъ городкѣ въ графствѣ Ланкаширскомъ.

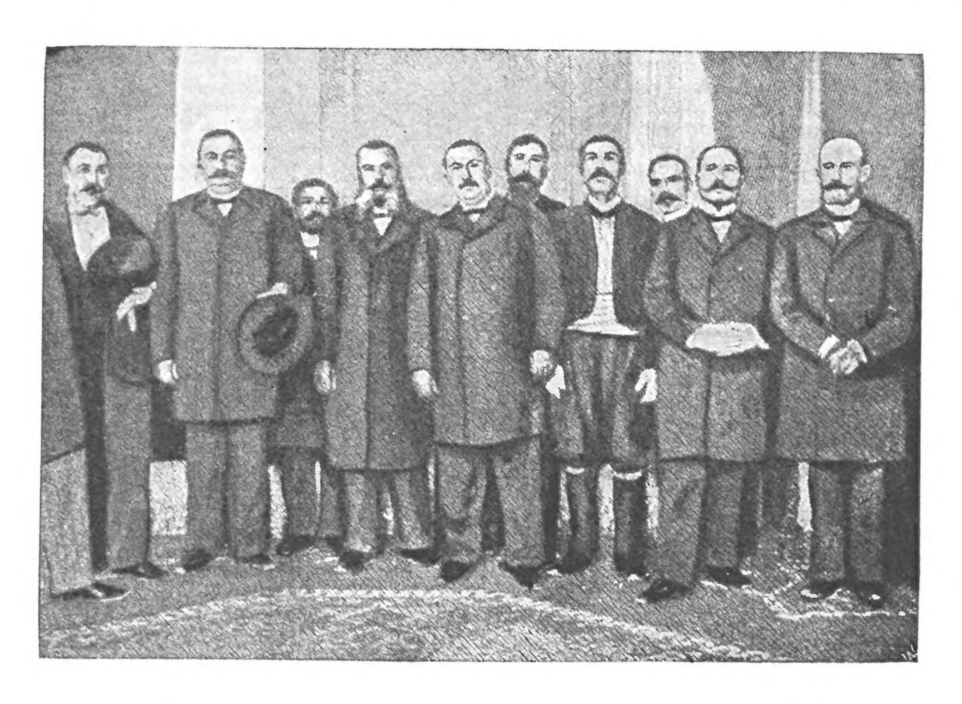

Король Альфонсъ XIII, какъ наѣздникъ и охотникъ.

О молодомъ испанскомъ королѣ всюду говорятъ, какъ о какомъ-то тепличномъ растеніи, которое можетъ расти только при самомъ тщательномъ уходѣ. Какъ невѣрно это представленіе, можно заключить уже изъ того, что король одинъ изъ неутомимѣйшихъ

наѣздниковъ и самыхъ страстныхъ охотниковъ въ Испаніи. Семи лѣтъ онъ первый разъ сѣлъ на маленькую прелестную въ 1,15 метра кобылку, поднесенную ему городскимъ совѣтомъ Бургосса и которая у него до сихъ поръ стоитъ на конюшнѣ. По мѣрѣ того, какъ король росъ, мѣнялись и его лошади и теперь у него 2 огромныя великолѣпныя англійскія верховыя лошади, которыя ему подарила въ прошломъ году жаетъ всѣхъ лошадей какія только есть во дворцѣ. Онъ можетъ спокойно это дѣлать, такъ какъ отъ долголѣтней практики онъ достигъ большой ловкости и изучилъ въ совершенствѣ наѣздническое искусство. Съ особымъ удовольствіемъ онъ принялъ бы участіе въ скачкахъ съ препятствіями и вмѣстѣ съ молодыми офицерами скакалъ бы на пари черезъ ямы и заборы, если бы позволялъ его санъ.

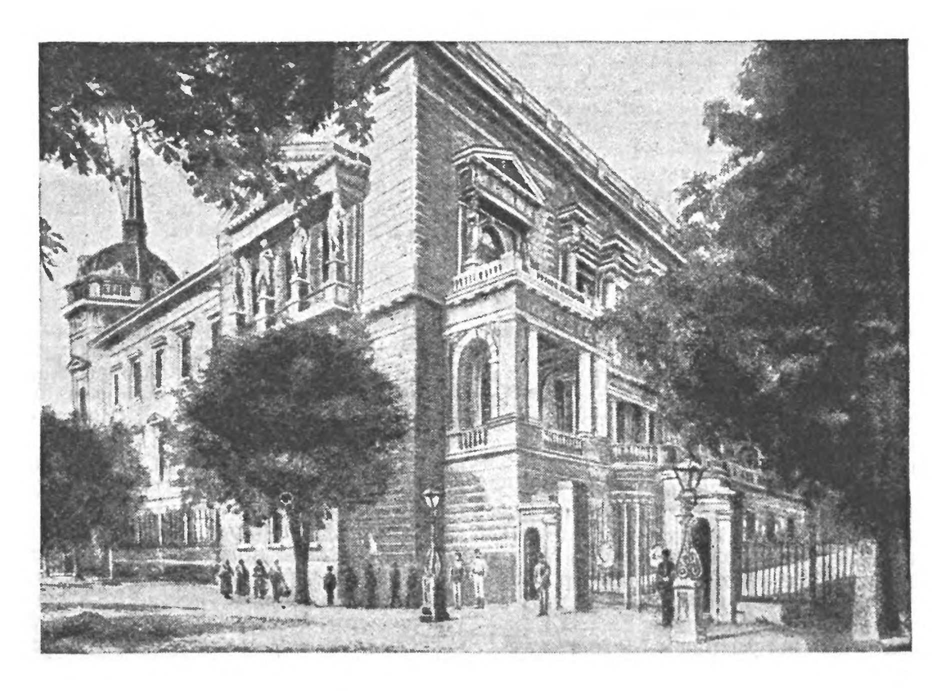
Онъ часто ѣздилъ на лошадяхъ своей

Депутація скупщины для привѣтствованія короля Петра I.
Съ фотографіи, снятой послѣ пріема у короля, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Д-ръ философіи М. М. Филипповъ.
† 12-го іюня.

Новый конакъ, резиденція сербскаго короля Петра I.

Къ событіямъ въ Сербіи.

его мать, по случаю его восшествія на тронъ. Одна носитъ имя—„Али", въ первый разъ на нее сѣлъ король на большомъ парадѣ 19 мая прошлаго года; другая—чисто охотничья лошадь. Девятью остальныхъ, въ большинствѣ случаевъ, тоже подарки, какъ, напримѣръ, „Аргентина", привезенная ему бургомистромъ, составляютъ его спеціальную конюшню, что не мѣшаетъ ему, однако, ѣздить и на другихъ лошадяхъ. Вообще, онъ объѣзтетки, инфанты Изабеллы, которая, какъ извѣстно, неустрашимая наѣздница. Онъ отличается такой физической выносливостью, что получилъ отъ своихъ сверстниковъ названіе „неутомимаго". При этомъ онъ самъ слѣдитъ за сѣдланіемъ своихъ лошадей, согласно старой андалузской поговоркѣ, что лошадь и скрипку надо настраивать самому.

Такую же страсть, какъ къ лошадямъ, Альфонсъ питаетъ къ охотѣ; онъ стрѣляетъ очень быстро, почти не цѣлясь. Въ свободные отъ государственныхъ занятій часы онъ ѣздитъ въ мѣстечко Пардо, въ окрестностяхъ Мадрида, и привозитъ оттуда съ дюжину тетерекъ.

Его веселый дружественный характеръ, особенно проявляющійся во всѣхъ этихъ маленькихъ вылазкахъ, привлекаетъ къ нему сердца всѣхъ. Но, несмотря на свою страсть къ охотѣ, онъ строго соблюдаетъ охотничьи законы и первый подаетъ „хорошій примѣръ тому, что не все можно, что нравится".

Испанскій король Альфонсъ XIII въ охотничьемъ костюмѣ.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппѣръ.